В.В. Розанов
О чудесном в мире

По изданию: Природа и история. Сборник статей. СПб., 1900 г.

Впервые опубликовано в журнале «Русский Вестник» №1, 1896 г.
под заглавием «Нечто об «излечениях» и о чудесном»

Случай исцеления г. Доробца от сикозиса[1] – исцеления, происшедшего внезапно и без посредства какого-либо врачующего агента – был признан и им самим, и массами «профанов» чудесным. Поэтому «объяснения» этого случая, сделанные в Московском обществе невропатологов профессором местного университета г. Кожевниковым, были приняты среди читающих и размышляющих людей как некоторая попытка, и неуместная и неудачная, на вмешательство научных приемов исследования в область фактов, науке явно не подлежащих; сам же профессор, сделавший эту попытку, был обвиняем, косвенно в печати и прямо устно, в явном неуважении к религии, к области которой, как несомненное и засвидетельствованное чудо, относится этот факт. И слишком понятно, что подобное неуважение (если бы оно имело действительно место) должно было вызвать величайшее возбуждение в обществе, которое не могло и не должно было относиться спокойно к подобному трактованию его самых интимных и чистых чувств.

Ничего, однако, похожего на подобное трактование не было сделано проф. Кожевниковым, одним из осторожнейших в своих заключениях умов, какие трудятся на почве науки. Имя этого ученого, гораздо менее популярное, чем имена проф. Кареева, Трачевского, Ковалевского, Исаева и многих других «светил» русской науки, – несмотря на свою скромность и совершенную неизвестность в «общей прессе», не только авторитетно, но и авторитетно справедливо в некоторой частной, специальной прессе, из пределов которой г. Кожевников никогда не выходил и не хотел выйти. Мы можем представить себе, как проф. Кареев «объяснил» бы, что «с окончательным торжеством индуктивного метода в науке» чудо «элиминировано» из природы; или

---

[1] Имевший место в Москве в 1896 г.

как г. Трачевский доказывал бы, что «исцеления» не было, наконец, даже не было сикоза, нет и не было вовсе самого г. Доробца, а есть «Московские Ведомости» и «Гражданин», которым потребовался этот случай, и он был создан, как создается все, в чем есть «потребность времени, хотя бы и такого печального, как наше...». Ничего подобного, зная сколько-нибудь проф. Кожевникова и его труды, нельзя было от него ожидать, и он действительно ничего подобного не говорил и не хотел сказать.

Как осторожный в заключениях, как не только созерцающий, но и размышляющий ум, он знал хорошо, что, за исключением лишь очень тесной группы фактов, и всякое вообще излечение, которое показалось бы для «профанов» простым и обыкновенным, при глубоком анализе открывает в себе сторону чудесного в той самой мере и в том самом смысле, какой тысячи неразмышляющих людей соединяют со случаем исцеления г. Доробца. И в его мысли, как в мысли религиозных людей, святое и чудесное не исключено из природы, но только в то время, как, по мнению простых верующих людей, оно временно и местно появляется, ему, напротив, известно, что оно разлито в природе всюду и остается в ней постоянно. Более всякого другого медики знакомы с этою стороною Космоса. Конечно, видя, как проглотивший кусок фосфора и затем немедленно выпивший рвотного–остается жив, они не удивляются, потому что это есть факт, ясный во всем объеме, расчленяемый без остатка на свои составные моменты, между которыми нет ни одного темного; но уже хина, действующая при перемежающейся лихорадке, или бром, успокаивающий нервную систему, – заключают в себе, в основаниях своего действия, бездну неясного. И, анализируя это неясное, до конца отвечая на правильно поставляемые о нем вопросы, мы доходим до пункта, где не умеем сказать ничего еще, кроме как: *«Это – чудо!»* Ибо тот факт, что соки дерева, растущего в Боливии, и только этого одного дерева на целой земле, вырабатывают в древесине его некоторое особенное вещество, не действующее ни на то, ни на другое, ни на третье или четвертое, а только специфически на жизнь одного микроорганизма, появляющегося, однако, не на этом дереве, не в какой-нибудь другой породе того же семейства растений, ни даже вообще в растительном мире, а в селезенке человека, куда при естественных условиях нет никакого доступа для этого вещества и к этому веществу нет вовсе доступа тем микробам: все это так же чудесно, так же маловероятно, так же похоже на фантазию или грезу сновидения и, однако, так же действительно, как и случай исцеления г. Доробца. Бром отлагался в клетках морских водорослей гораздо ранее, чем появились нервные расстройства у человека; он отлагался ранее не только вре-

мени, когда настал «наш нервный век», но и времени, когда человек научился считать века и, быть может, даже прежде, чем он появился на земле. И вот, раньше чем появился второй член некоторой специфической системы взаимодействия, которою медик пользуется у постели больного («бром при нервных расстройствах»), уже первый член ее существовал с своею удивительною особенностью, имеющею отношение к тому, чего не появилось пока, не появилось нигде на земле, нет вовсе в природе. Разве это–не чудо? не чудо в полном и святом смысле – так же, как то, которое совершилось такого-то числа и месяца, с таким-то человеком «в храме Христа Спасителя», но чудо уже в Его нерукотворном храме, где «земля-подножие и небо–престол»? Digitalis[1] действует на сердце, только на одно сердце; и сердце ничему еще так не отвечает в своем функционировании, как соку этой мелкой травки – отвечает чутко и могущественно: вот то, что названо было бы в древние времена «волшебством», что есть волшебство с точки зрения и строгой науки, растерянно стоящей перед этим явлением, – и что мы называем волею Божией в природе, где эта воля связывает без уз, разделяет без резца и вообще творит, что ей нужно, проходя в молчании мимо наших вопросов: «Почему? Зачем?» Понятно для нас и в природе «естественно» только такое соотношение, где есть смежность между соотносящимся и где оба члена соотношения лежат в одном порядке бытия; понятно, поэтому, действие химического реактива на химическую же сторону биологических процессов, действие физического агента на физику нашего тела. Но все приведенные факты, где природа нам раскрывается как бы поставленною на страже жизни человека, – жизни, упадающей в себе самой и восстановляемой силами этой природы, – эти факты далеко переступают все средства научного объяснения, все постижимые способы взаимосоотношения вещей, и в них мир обнаруживается перед нами как тайна, чудо и святость. Мы не можем здесь удержаться, чтобы не заглянуть несколько в смысл этой тайны: если есть *одно* целящее для человека в природе, должно быть – и *всякое*; круг внешних средств должен быть замкнут в некоторую полноту, следуя за полнотою возможных ущербов в жизни человека. Иначе план этой стороны Космоса был бы не закончен; мысль, в ней положенная, – оборвана, и тайна была бы без внутреннего в себе основания.

Мы уклонились в сторону слишком далеких обобщений. Сок из семян cannabis indica[2], принятый внутрь, производит у принявшего растяжение идей пространства и времени; и вообще испытавшие дей-

---

[1] Наперстянка *(лат.)*.
[2] Конопля *(лат.)*.

ствие этого сока рассказывают об удивительнейших видениях, сопровождающих поступление его в кровь. Почему это не вполне чудесно? Почему cannabis indica – не просто корм, как всякая другая трава, но с одним странным, не повторяющимся ни в чем еще в природе *отношением к способности у* человека *представления?* Cannabis indica росла бы, если бы вовсе и не появлялся человек на земле: для чего тогда были бы удивительные ее свойства? кому бы они служили? Скажем более: тот непоявившийся, несуществующий (допустим, что человек не создан, «не доразвился из обезьяны») обладатель способности представления, *с которою соотношение у сока этого растения уже есть – кто* он? *Что* это за представление, *чьи* эти идеи пространства и времени, которые удлинять способен сок этого растения, раз уже оно растет, живо, есть? Вот чудо, совершенное чудо, о каком только способен говорить наш язык и которое написано в природе, и все его читают, нисколько ему не удивляясь. Природа есть великое, живое, святое Πάν; уже греки считали его «богом»; мы же отступили от них в сторону готтентотов и кафров, говоря, что она есть только набор физических тел, есть некоторая связка химических процессов – ряд фетишей, из коих каждому мы поклоняемся, вовсе не замечая, что не *в* них, но *между* ними и *над* ними витает бесплотная мысль.

Раз cannabis indica соотносится с мыслью человека, повторим за медиками – «соотносится с его нервною тканью», как-то особенно ее возбуждая, и между тем она существует и возникла вне всякой сколько-нибудь понятной и исследимой связи с этою тканью, – есть, значит, нечто, в чем оба эти факта связуются, есть некоторая идеальная система, которой членами служат эти реальные и столь удаленные одно от другого явления. Подобно тому, как и корабль, плывущий в Бостон, если на нем есть компас, ландкарты, паруса, руль, – не иначе приплывет в этот именно город, как если есть и ум, связующий в себе эти ландкарты, руль, показания компаса и ту отдаленную точку, где лежит этот город. *Есть мысль, держащая вселенную*; к ней, собственно, имеет каждая вещь *прямое* свое отношение; и лишь через нее, в которой содержится и всякая иная вещь, она с этою иною вещью соотносится. Отсюда «телепатия» (связность на расстоянии) явлений природы; эти предустановленности, эти соотношения разбросанного в мироздании. В темных инстинктах своих, зная это – человек тянется к природе, болея – ищет в ней помощи; или же он обращается с молитвою к Посредствующему, когда бессилен сам отыскать эту помощь. В том и другом случае источник – один; самое обращение к нему – собственно одно; и медик, подающий больному лекарство, если бы он до глубины понимал то, что делает, – подал бы его с тою же молитвою благодарности, с

какою г. Доробец на другой день вошел в храм его вчерашнего исцеления.

Поэтому и проф. Кожевников вовсе не исключает в своем объяснении ни чудесного, ни святого в случае, который возбудил столько смутных о себе толков. Он не отверг грубо и поверхностно, как это мог бы сделать менее его углубленный в науку человек, что, за немногими и незначущими исключениями, вся природа распадается на две категории: область чуда пребывающего, постоянного, которым мы пользуемся всегда и всюду, как пользуемся для питья источниками нас окружающих вод; и область чуда наступающего и оканчивающегося, которое ниспадает к нам, как для жаждущего в пустыне ниспадает дождь. Нет никакого в существе их, происхождения, качествах – различия; но только первое наука уже отметила как некоторые «единообразия» вселенной, второе ей еще предстоит внести свои регистры. Их разница – если мы возвратимся к развитой выше аналогии – не большая, чем какая существует между путями постоянного следования кораблей и между путями неопределенного странствования некоторых из них: оба равно совершаются под компасом, при ландкарте, в уме ведущего, но к одному взгляд наш, посторонних до времени зрителей, привык, и мы без любопытства забываем о нем, за другим же следим и историю его «рассказываем».

В. Розанов

Сканирование, распознавание, вычитка и оформление выполнены коллективом сайта
http://varvarin.ru